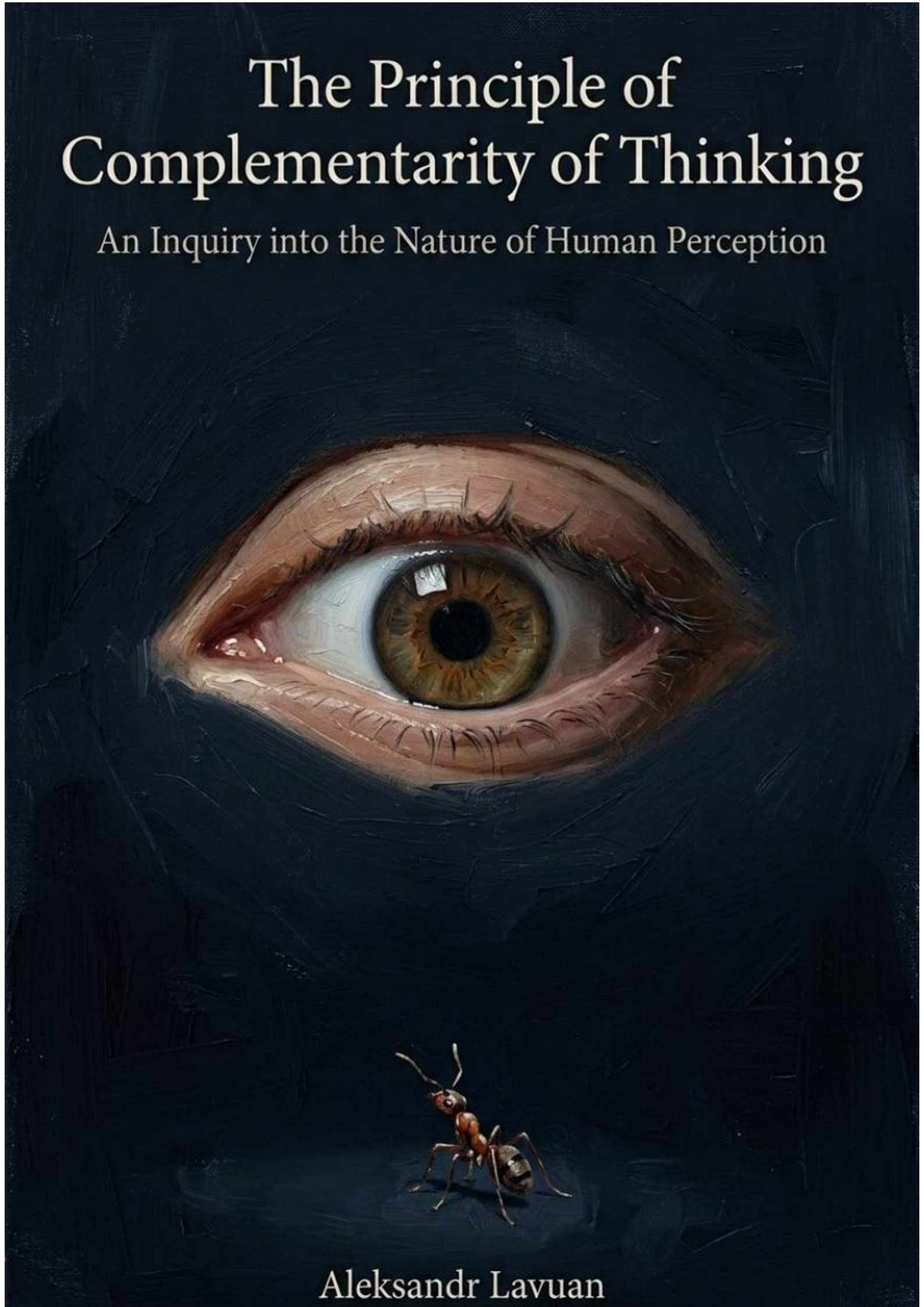
The Principle of Complementarity of Thinking

An Inquiry into the Nature of Human Perception

Aleksandr Lavuan

Aleksandr Lavuan

Принцип комплементарности мышления. Исследование природы человеческого восприятия

«Автор»
2026

Lavuan A.

Принцип комплементарности мышления. Исследование природы человеческого восприятия / A. Lavuan — «Автор», 2026

Данная книга представляет собой исследование природы человеческого восприятия и механизмов, посредством которых сознание формирует представление о реальности.В основе исследования лежит философия восприятия: вопрос о том, как человек воспринимает происходящее, почему стремление уменьшить неопределённость влияет на формирование внутренней модели мира и каким образом одна и та же реальность получает различные объяснения.От индивидуального восприятия исследование переходит к возникновению религиозных и научных систем, формированию общественных институтов, накоплению коллективного опыта и изменению информационной среды.Психологические, социальные и культурные процессы рассматриваются как проявления единого процесса — непрерывной организации человеческого опыта.Книга показывает, как ограниченность восприятия становится основой различных способов понимания реальности и как они преобразуют человека и общество.

© Lavuan A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Пролог: Формирование субъективной картины происходящего 7
Глава 1. Пределы восприятия и структура сознания в условиях неопределённости 9
Глава 2. Способы организации реальности: формирование религиозной модели объяснения 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Принцип комплементарности мышления. Исследование природы человеческого восприятия

Предисловие

Я знаю, что ничего не знаю.
Сократ

Начиная с античности, когда объяснение мира сводилось к мифу и божественному замыслу, возникает философия — попытка рационально осмыслить устройство мира, пути его познания и место человека в нём. От первых греческих мыслителей до современных философов сохраняются те же фундаментальные вопросы: что есть мир и человек, существует ли свобода воли, есть ли Бог и в чём заключается смысл жизни. Несмотря на более чем две с половиной тысячи лет размышлений, эти вопросы не получили окончательных ответов.

Со временем философия постепенно меняла направление: от стремления объяснить реальность в целом — к анализу отдельных областей знания, в которых природа, жизнь и человек начинают рассматриваться раздельно. Параллельно с философией возникает наука как эмпирический способ изучения.

Она даёт устойчивые ответы на конкретные вопросы, раскрывая структуру и закономерности. Однако даже при всей своей точности научное знание остаётся ограниченным: оно не отвечает на предельные вопросы устройства реальности, а лишь переводит их в иной язык описания.

Так философия утратила роль единственного способа объяснения, однако сама проблема его целостного понимания не исчезла. Развитие философии можно описать как последовательную смену подходов: от поиска первоосновы к её описанию через абстрактные принципы.

Вслед за этим возникает представление о порядке и гармонии как устойчивом образе сменяющейся реальности. Формируются различные способы осмысления — от метафизики и рационализма до эмпиризма и диалектики. Каждый из них предлагает собственный подход к пониманию мира, его устройства и принципов. Однако, несмотря на разнообразие методов и систем, ни один из них не приводит к окончательному разрешению вопросов, лежащих в основе этого поиска. Таким образом, на протяжении всей своей истории философия остаётся движением вокруг одних и тех же вопросов, которые каждый раз формулируются заново, но так и не получают окончательного ответа.

Что бы искать истину, необходимо хоть раз в жизни усомниться во всём, насколько это возможно.
Рене Декарт

Идея Декарта о радикальном сомнении является важной основой данного произведения и основополагающим принципом моего личного поиска и рассуждений. Из попытки взглянуть на эти вопросы с иной стороны возникает данная книга: не как на задачи, требующие окончательного ответа, а как пространство для мышления, где важен сам способ их постановки.

Она не является попыткой установить истину или предложить завершённую систему взглядов. Это наблюдение за собственным мышлением — его изменениями, сомнениями и стремлением прояснить вопросы, на которые не дают ответов существующие интерпретации.

Изложенные здесь идеи не претендуют на статус догмы. Это лишь одна из возможных моделей осмысления реальности, сформированная в процессе личного анализа и размышлений. Она не требует согласия и не предполагает безусловного принятия. При этом важно учитывать, что затрагиваемые темы могут вступать в противоречие с устоявшимися социальными, политическими и религиозными убеждениями. Однако цель этой работы — не отрицание этих убеждений и не защита альтернативных позиций, а лишь фиксация иного способа осмысления привычных вопросов. Эта книга основана на отказе от слепого принятия. Ни одно утверждение, включая изложенные здесь, не должно восприниматься на веру. Любая мысль требует проверки, анализа и самостоятельного вывода.

Рациональный и непредвзятый взгляд, а также готовность подвергать сомнению даже очевидное позволяют приблизиться к более глубокому пониманию. Ответы, имеющие ценность, не существуют в готовом виде — они формируются в процессе личного поиска. Поэтому здесь важно не согласие с текстом, а самостоятельное мышление.

Сохраняя ясность восприятия и подвергая сомнению любые утверждения, человек выстраивает собственное понимание реальности.

Пролог: Формирование субъективной картины происходящего

Холодная пустота сознания обволакивает разум. Нет начала, где прежнее «ты» закончилось. Есть лишь ощущение, что оно постепенно перестало совпадать с тем, что происходит сейчас. Ощущение пространства и времени такое, словно ты находишься в иных слоях восприятия. Форма естественных образов сохраняет суть, но понимание привычного ускользает. Смысл не исчезает — он просто уходит в другой слой реальности. Всё привычное обрывается: самоидентификация, логика, рефлексы. И каждый вопрос оставляет пустоту — тише предыдущей, как эхо вуали безмолвия. Система держится, пока не задаёшь вопросов. Молчание формирует структуру смысла и лабиринты сознания.

Сомнения возникают не в объективной реальности, а в твоём субъективном восприятии мира. Искажения не всегда заметны. Они накапливаются. Становятся частью восприятия. Постепенно формируя замкнутую структуру, в которой любая попытка осмысления возвращает в исходную точку. Системный анализ, интеграция когнитивных искажений коллективного безрассудства создаёт петлю замкнутых иллюзий. Жизнь не сохраняет слабое как вид — она заставляет его деградировать, как то, что не выдержало проверку своей природы. Экзистенция эгоизма сквозь призму восприятия мира ломает само понимание того, что есть жизнь. Утопическая таксидермия моральных и социальных форм — жалкая пародия на иллюзию свободы. Кто ты? Голос сознания проходит сквозь туман восприятия. Где ты? Неосознанные мысли — в капкане ощущений иллюзорного пространства. Оглянись вокруг. Что ты видишь? Мир в своём многообразии и великолепии образов?

Гармонию природы и человека в бесконечно созидательном цикле? Или это просто иллюзия, к которой ты так привык? А если посмотреть иначе, под другим углом? Не через готовый шаблон определений. Не через фильтр навязанных форм. Что тогда останется? Та же гармония? Тот же идеальный порядок образов?

Или действительность слишком неудобная, чтобы принять её всерьёз? Возникает ощущение, что за фасадом прогресса и развития скрывается совершенно иное содержание. То, что мы привыкли называть «современным» обществом, — действительно ли является результатом развития? Или это отклонение, которое стало нормой настолько, что больше не воспринимается как проблема? Неисправный механизм самообмана, использующий страх как топливо, а слабость — как управление.

Липкая паутина забвения, сотканная двуличием и жадностью. Видимость цивилизации, внутри которой лицемерие уже давно стало главным ресурсом, а нравственность — устаревшим противоречием. Система, разрушающая то, что поддерживает её существование. Загрязняет среду, истощает ресурсы, уничтожает себе подобных — а затем ищет причину, чтобы оправдать эти действия. Создаёт последствия, а потом выдаёт их за необходимость. Строит — чтобы разрушить. Разрушает — чтобы снова строить. Отрицает — чтобы утвердить. Утверждает — чтобы отрицать. Это не развитие, а замкнутая рекурсия инстинктов, маскируемая под прогресс. Создаётся полное ощущение, что этими процессами сознательно управляют. Что существуют те, кто создаёт условия и направляет происходящее. Но чем внимательнее наблюдаешь — тем очевиднее становится иное. Управление в этих процессах безусловно присутствует, но не сосредоточено в конкретных фигурах. Оно распределено внутри самой структуры.

Те, кто воспринимается как управляющие, лишь реализуют её логику, а не задают направление. Порядок возникает как реакция на управляемый хаос. Формируются условия, при которых дестабилизация становится необходимым этапом. Проблема изначально является частью

конструкции. Решение внедряется как заранее подготовленный ответ. Их слова — искусная ложь, цель которой — удерживать согласие. Их «истина» всегда совпадает с текущей повесткой. Их «идеология» — безупречный инструмент пропаганды коллективной бессознательности. Они говорят об ответственности — но не присутствуют в её последствиях. Они говорят о справедливости — но она не проявляется в их действиях.

Механизм тоталитарного режима, спрятанный под маской демократии. Обвиняющий во всех проблемах и неудачах в действии или бездействии, в молчании и несогласии. Формируя сценарий, в котором одобрение не является обязательным. Они продают то, что им не принадлежит. Покупают то, что не продаётся. Делят то, что неразделимо.

Аморальные идеологи учат нравственности, лживые лицемеры — искренности, патологические трусы — мужеству. Погружая по самое горло в вакуум идиотизма и бездонного невежества. «Современное» общество выглядит как процесс, который не способен контролировать самого себя. Болезненная форма инерции, принявшая себя за разум. Чем сильнее распространяется эта «зараза», тем более отчаянным становится иммунный ответ.

Но одной лишь защитной реакции уже недостаточно — требуется точное, почти хирургическое вмешательство, чтобы извлечь мракобесие и общественное слабоумие, воспалённый идиотизм и нравственную импотенцию. Произвести лоботомию философии потребления, засевшей как заноза в массовом сознании. Только мы сами сможем вылечить себя от этой болезни.

Кто ты? Амнезия режет, как лезвие, в тишине искажённых образов. Где ты? Слышно лишь пустоту безголосого разума, кричащего сквозь время...

Глава 1. Пределы восприятия и структура сознания в условиях неопределённости

Человек редко осознаёт, что его стремление к реальности связано не с истиной, а с необходимостью предсказуемости происходящего. Это стремление направлено к предсказуемой модели, в которой события подчинены устойчивой логике: следствие вытекает из причины, а будущее не разрушает уже сложившийся порядок. В этом смысле психику можно представить как систему ориентации в условиях неопределённости — движение при ограниченной видимости.

При потере стабильности среды нарушается возможность ориентироваться: исчезают устойчивые связи, на которых строится движение. Возникает не просто когнитивная трудность, а состояние внутреннего напряжения, близкое к утрате опоры, когда привычная картина мира теряет устойчивость. Это напряжение является реакцией на неопределённость. В психической организации это состояние не является нейтральным — оно сопровождается внутренним напряжением, поскольку снижает способность к устойчивому и направленному действию. В условиях непредсказуемости поведение теряет направленность и становится похожим на движение вслепую.

По этой причине психика не стремится к полному пониманию мира. Она формирует упрощённую модель, не обязанную совпадать с реальностью, но достаточную для ориентации и действия. Её устойчивость важнее точности. Ценность модели определяется способностью сохранять внутреннюю согласованность восприятия, не допуская распада мира на фрагменты.

Из этого следует, что человек стремится не к истине как таковой, а к устойчивости уже сформированной картины мира. Он удерживает её целостность, адаптируя под новые обстоятельства, но не позволяя ей разрушиться. Разрушение этой картины переживается не как смена взгляда, а как утрата опоры — состояние, при котором привычные связи исчезают, и реальность перестаёт складываться в единое целое.

Именно поэтому психика чаще выбирает более простую, но устойчивую модель вместо более точной, но нестабильной. Простота здесь — форма сохранения равновесия. Это касается не только выбора действий, но и самого восприятия. То, что человек воспринимает как реальность, по сути является лишь интерпретацией — устойчивой моделью, достаточной для действия, но не обязательно совпадающей с тем, что существует объективно.

Представим дорогу, по которой уже ездили множество раз. Она предсказуема: известны повороты, расстояние, возможные задержки. Ты заранее знаешь, где придётся сбросить скорость, где может быть пробка, сколько времени займёт путь. Она не обязательно самая короткая, но даёт главное — ощущение уверенности и предсказуемости пути.

И есть другой маршрут — потенциально более быстрый. Он может сократить расстояние и сэкономить время, но при этом остаётся неопределённым: неизвестно состояние дороги, возможные препятствия, отклонения, тупики. Ты не знаешь, где придётся остановиться, придётся ли разворачиваться, не окажется ли этот путь в итоге длиннее из-за непредвиденных условий. Формально второй вариант эффективнее. Но психика в большинстве случаев выбирает первый — не потому, что он проще, а потому что он предсказуем и позволяет сохранять ориентиры в процессе движения.

В условиях неопределённости решающим становится не выигрыш во времени, а возможность удерживать направление и понимать, что происходит на каждом этапе пути. Поэтому надёжность оказывается важнее оптимальности. Иначе говоря, человек существует не в непосредственной реальности, а в её устойчивой модели. При сохранении внутренней согласован-

ности такая картина переживается как «достаточно истинная», даже при расхождении с внешней действительностью.

На этом этапе проявляется более глубокое расслоение мышления. Речь идёт не о различии мнений, а о различии способов работы сознания в условиях неопределённости. Фраза о том, что существуют «те, кто хочет верить, и те, кто хочет знать», отражает это различие в более простой форме.

В одном случае мышление стремится к завершённым объяснениям: интерпретация закрывает неопределённость и превращает мир в систему смыслов. В другом случае объяснение не завершает процесс. Любая модель остаётся временной конструкцией, которая постоянно пересматривается. Сам акт объяснения не снимает напряжение, а переносит его дальше, расширяя область неизвестного. В результате различие проявляется не только в способе восприятия, но и в цене, которую за него приходится платить. Стремление к устойчивой картине мира даёт опору: мир становится согласованным и предсказуемым. Тем самым снижается внутреннее напряжение и возможность действия. Но эта устойчивость достигается за счёт ограничения: всё, что не вписывается в модель реальности, либо отбрасывается, либо подстраивается под неё.

Противоположный тип мышления удерживает модели в постоянной пересборке. Это позволяет глубже приближаться к пониманию, но лишает устойчивой опоры. Такое сознание существует в напряжении между уже осмысленным и тем, что остаётся неопределённым. Оно не может остановиться в объяснении, потому что любое объяснение воспринимается как промежуточное. Возникает базовая асимметрия: стремление к истине расширяет понимание, но усиливает неопределённость; стремление к определённости ограничивает понимание, но снижает внутреннее напряжение. Именно поэтому эти два способа мышления — не просто разные точки зрения, а два несовместимых режима сознания.

Из этого можно заключить, что важно не только то, как человек объясняет мир, но и то, к чему именно он внутренне стремится в процессе этого объяснения. Для одних решающим оказывается чувство завершённости, для других — движение к пониманию, даже если оно не приводит к окончательному результату.

При этом ограничения человека являются не только когнитивными, но и физиологическими. Органы чувств фиксируют лишь узкий фрагмент окружающего мира. Зрение улавливает только небольшую часть электромагнитного спектра — то, что мы называем «светом», тогда как инфракрасное и ультрафиолетовое излучение остаются полностью вне восприятия. Слух ограничен определённым диапазоном частот, и всё, что находится за его пределами, для человека просто не существует как звук.

Во всех этих случаях речь идёт о способах восприятия, которые у человека либо отсутствуют, либо функционируют в ином диапазоне. Это не формирование полной или неполной картины мира, а различные способы организации опыта, в которых одни изменения среды становятся центральными ориентирами поведения, а другие полностью выпадают из восприятия. Наиболее наглядно это проявляется в разнообразии способов восприятия у животных, выраженных через различные формы сенсорной организации. Рассмотрим примеры существующих сенсорных типов.

Обонятельное восприятие — это способ, при котором окружающая среда считывается через сложную систему запаховых сигналов и тонких различий, формирующих структуру ориентиров. В этом режиме отдельные запахи и тонкие различия складываются в непрерывное поле сигналов, которое для человека является практически неразличимым. Этот тип наиболее выражен у собак: он позволяет улавливать множество отдельных запахов, превращая обоняние в своего рода «карту» пространства.

Тактильная ориентация через вибриссы позволяет считывать окружающее пространство через тонкие изменения воздушных потоков и особенности расположения препятствий. Виб-

риссы позволяют улавливать изменения давления и очертания проходов, формируя дополнительный уровень тактильной ориентации. Данный механизм наиболее развит у кошек: с его помощью они определяют возможность прохождения через узкие отверстия и фиксируют движение добычи в условиях, когда зрение становится менее эффективным.

Эхолокация организует восприятие пространства через отражённые звуковые сигналы. Ультразвуковые импульсы отражаются от объектов и возвращаются обратно, формируя звуковую «карту» расположения объектов. У летучих мышей данный механизм позволяет ориентироваться в полной темноте, избегать препятствий и точно определять положение добычи, например насекомых, даже без визуального контакта.

Зрительное восприятие в ультрафиолетовом диапазоне — это форма, при которой различия в отражении света выходят за пределы спектра, доступного человеческому зрению. За счёт чувствительности к ультрафиолетовому излучению формируется дополнительный слой визуальных различий между объектами и поверхностями. Этот тип восприятия особенно выражен у голубей: он позволяет различать детали среды, например ягоды и семена, которые становятся более заметными за счёт отражения ультрафиолетового света, изменяя распределение значимых объектов в пространстве.

Сумеречное зрительное восприятие — это способ сенсорной организации, при котором способность различать объекты сохраняется при крайне низком уровне освещённости. Это связано с высокой эффективностью улавливания слабых световых сигналов, что позволяет формировать различимую визуальную картину даже в условиях почти полного отсутствия света. У сов, например, данный тип восприятия позволяет различать объекты при минимальном освещении, замечая добычу при свете, эквивалентном одной свече на расстоянии более 300 метров.

Зрительное восприятие высокой дальности и детализации — это способность различать мелкие детали объектов на больших расстояниях. Это связано с высокой плотностью и точностью обработки зрительных сигналов, позволяющей сохранять чёткость изображения даже при значительном удалении от объекта наблюдения. Наиболее выраженно данный тип проявляется у орлов: с высоты 3 км они способны различать на земле мелких животных, например грызунов.

Магниторецепция обеспечивает ориентацию в пространстве на основе восприятия магнитного поля Земли. За счёт этого формируется устойчивая навигационная система, не зависящая от зрительных или обонятельных ориентиров опирающаяся на параметры магнитного поля, такие как его интенсивность и угол наклона. Особенно ярко этот механизм проявляется у морских черепах, в частности логгерхедов: они используют его как систему навигации, ориентируясь в океане и формируя своеобразную магнитную «карту», благодаря чему способны спустя годы возвращаться к местам гнездования, следуя структуре магнитного поля.

Электрорецептивное восприятие — это способ сенсорной организации, при котором информация о среде формируется на основе слабых электрических полей. Это позволяет фиксировать биологическую активность других животных на близком расстоянии и использовать её как источник информации о расположении окружающих объектов. Характерным примером реализации данного механизма служат морские животные, включая акул и скатов: электрорецептивное восприятие позволяет им обнаруживать скрытую или находящуюся под слоем грунта добычу, обеспечивая точную навигацию даже при отсутствии визуального контакта.

Рассмотренные примеры показывают, что каждый биологический вид имеет собственные области сенсорного превосходства: одни лучше ориентируются в запахах, другие — в звуке, зрении или осязании. В этих формах восприятия животные превосходят человека по точности и глубине восприятия отдельных аспектов окружающего мира. Человек же отличается способностью объединять разнородную информацию в единую картину и работать уже с её целостным образом на уровне абстракции.

Из этого следует, что не существует единой универсальной картины мира, одинаковой для всех. Существуют лишь множество пересекающихся, но не совпадающих моделей, каждая из которых формируется через собственный набор фильтров. В этом смысле то, что мы называем реальностью, не является независимой сценой, одинаковой для всех, а возникает как результат пересечения различных способов фильтрации одного и того же физического основания.

Однако различие сенсорных систем объясняет лишь то, какие фрагменты мира становятся доступными восприятию. Не менее важно, каким образом сознание организует уже полученную информацию, формируя из неё устойчивую картину. В этом смысле человек не имеет прямого доступа к реальности: он взаимодействует с её преобразованной версией, проходящей через органы чувств и внутреннюю организацию опыта.

Мы постоянно сталкиваемся с этим в повседневной жизни. Представьте ситуацию: вы идёте по знакомому маршруту, который давно стал привычным и не требует особого внимания. Всё вокруг узнаётся без усилий: повороты, перекрёстки, здания, ориентиры — вы просто движетесь вперёд, почти не задумываясь о самом пути. Обычно такие маршруты складываются в устойчивую и легко узнаваемую картину: всё находится в одинаковом освещении, детали привычны и предсказуемы.

Но в какой-то момент условия меняются — например, вы оказываетесь в том же месте ночью, при слабом освещении: дом на углу, который обычно сразу даёт понять, что вы идёте верной дорогой, вдруг вызывает сомнение. Вы продолжаете идти, но уже внимательнее следите за тем, куда сворачиваете и всё ли вокруг по-прежнему соответствует знакомому вам маршруту. Теперь каждый поворот заставляет на секунду задуматься: туда ли вы свернули, тот ли это перекрёсток, верно ли выбрано направление движения. То, что ещё минуту назад казалось понятным и знакомым, перестаёт ощущаться очевидным.

Постепенно становится заметно, что улица остаётся той же, но воспринимается уже иначе. Здания, перекрёстки и знакомые ориентиры всё ещё на своих местах, однако больше не складываются в ту цельную и понятную картину, которая ещё недавно казалась знакомой. В этом состоянии вы не анализируете происходящее и не пытаетесь сознательно объяснить, что именно изменилось — вы просто начинаете двигаться иначе: медленнее, внимательнее, чаще оглядываясь по сторонам, как будто пытаясь вернуть ощущение уверенности в привычном маршруте.

В этот момент важно уже не объяснение происходящего, а само ощущение узнаваемости пути, позволяющее продолжать движение без внутреннего напряжения. Важно, что это происходит ещё до осознанного анализа. Сначала возвращается ощущение ясности и понимания того, где вы находитесь, и лишь затем это складывается в целостное понимание ситуации.

На этом уровне можно перейти к более общей идее: сама способность ориентироваться в пространстве определяется не прямым доступом к миру, а тем, как он каждый раз формируется в устойчивую структуру, внутри которой возможно действие и поиск направления.

Ограниченность восприятия имеет более глубокую природу: оно проявляется не только в недостатке информации, но и в том, как сознание её структурирует. Мир не отражается в его непрерывности; напротив, сознание действует как система, постоянно стремящаяся к завершённости даже там, где её нет. Мозг не ожидает полного объёма информации для формирования образа действительности. Он работает иначе: непрерывно достраивает недостающее, опираясь на память, опыт, привычные формы и уже сложившиеся ожидания. В результате восприятие никогда не является чистым отражением внешнего мира — оно всегда представляет собой уже собранную и интерпретированную конструкцию.

Можно сказать, что человек не сталкивается с реальностью напрямую, а сразу получает её в виде уже сложившейся картины мира, в которой недостающие элементы остаются незаметными. Мир не «раскрывается» сознанию — он «собирается» им.

Именно поэтому человек способен без усилий узнавать знакомые формы даже при неполной или искажённой информации. Объект, увиденный в полумраке, воспринимается как целый. Фраза с пропущенными словами складывается в понятный смысл. Обрывки событий собираются в историю, даже если сама последовательность фактов остаётся неполной.

Сознание не допускает незавершённости: там, где информации недостаточно, оно не оставляет пустоты — оно заменяет её наиболее вероятной интерпретацией, причём эта замена происходит не как осознанный выбор, а как автоматический механизм стабилизации восприятия.

Однако именно в этом и возникает фундаментальное отличие. Если восприятие способно достраивать недостающее, оно одновременно способно принять собственную реконструкцию за исходную реальность. И тогда граница между тем, что было получено непосредственно, и тем, что было дорисовано сознанием, постепенно исчезает. В таком случае человек взаимодействует не только с внешним миром, но и с его внутренне собранной моделью — которая формируется из опыта, но никогда полностью не совпадает с тем, что существует вне восприятия. И чем устойчивее становится эта модель, тем менее заметным оказывается сам факт её формирования. Различия, которые раньше проявлялись лишь как особенности отдельных проявлений, на этом уровне начинают восприниматься как постепенное разделение самого процесса восприятия. Внутри одного и того же опыта может накапливаться состояние, в котором число одновременно удерживаемых интерпретаций начинает превышать способность восприятия сохранять их в единой структуре.

В этот момент удерживаемые интерпретации перестают быть просто набором возможных объяснений. Они начинают выступать как разные основания возможного действия, каждое из которых задаёт собственное продолжение ситуации. Их одновременное удержание приводит не к расширению понимания, а к ослаблению единого направления действия. Возникает состояние, в котором восприятие перестаёт удерживать несколько возможных интерпретаций внутри одного события. Именно здесь становится заметно, что неопределённость перестаёт оставаться нейтральным фоном и начинает влиять на само действие.

Когда это происходит, дальнейшее развитие процесса может идти по разным направлениям. В одних случаях восприятие сокращает число одновременно удерживаемых интерпретаций: множество возможных объяснений постепенно сводится к более устойчивой картине, достаточной для продолжения действия. В этот момент важным становится уже не точность этой картины, а её способность сохранять внутреннюю целостность и обеспечивать продолжение этой конфигурации. Такая конфигурация не является осознанным выбором между альтернативами. Она возникает как следствие невозможности удерживать множественные интерпретации в активном состоянии. Альтернативные объяснения не отбрасываются, а перестают участвовать в текущей организации восприятия, уступая место структуре, обеспечивающей минимальную устойчивость.

Если же восприятие сохраняет способность удерживать несколько интерпретаций одновременно, процесс развивается иначе. Неопределённость не принимает единую форму и остаётся активным состоянием восприятия, при котором однозначный смысл не формируется, поскольку ни одна из возможных интерпретаций не получает окончательного закрепления. В этом случае восприятие остаётся более чувствительным к изменениям и различиям в ситуации, однако удержание становится более напряжённым. Поведение теряет устойчивость, поскольку любое решение требует постоянного пересмотра оснований и не может опираться на одно и то же представление о происходящем. Это связано с тем, сохраняется ли единое направление при данном уровне неопределённости или возникает необходимость сокращать пространство интерпретаций для сохранения минимальной устойчивости.

Именно поэтому то, что позже может выглядеть как разные способы мышления, оказывается моментом, в котором единый процесс восприятия либо сохраняет множественность

интерпретаций, либо начинает объединять их в единую форму, чтобы предотвратить распад самой возможности действия.

Эта форма не является точным отражением происходящего — она отбирает и упорядочивает лишь то, что необходимо для ориентации и действия. Благодаря этому сложный поток событий превращается в понятную, управляемую структуру. Особенно ясно это проявляется в простых ситуациях: когда объект частично скрыт туманом, стеклом, расстоянием или недостатком света, сознание не фиксирует фрагментарность как проблему и не удерживает «недостающие части» как отсутствие. Вместо этого оно мгновенно завершает образ — человек, предмет, движение, направление.

Даже при недостатке информации восприятие редко останавливается на неопределённости. Оно стремится к завершённой иллюзии незавершённой реальности. И лишь последующее изменение условий наблюдения — новый ракурс, приближение, дополнительный источник информации — способно пересобрать первоначальную конструкцию. В такие моменты становится заметно, что изначально воспринимался не сам объект, а его наиболее вероятная версия, возникающая внутри ожидания. И эта версия существовала как полноценная реальность до тех пор, пока не сложилась иначе.

Представим ночной парк при слабом, рассеянном освещении. Темнота здесь уже не является нейтральным фоном: очертания предметов размываются, детали теряются, а объекты вдалеке становятся неясными и трудно различимыми.

В глубине аллеи взгляд улавливает скамейку, частично скрытую тенью. На её поверхности различим тёмный силуэт, который издалека легко воспринимается как фигура сидящего человека. В этот момент восприятию достаточно лишь нескольких фрагментов, чтобы достроить недостающее, опираясь на память, прошлый опыт и уже сложившиеся ожидания. Недостаток деталей не воспринимается как полное их отсутствие. Напротив, сознание быстро завершает образ, заполняя недостающее наиболее вероятным содержанием. В результате возникает цельная картина, которая воспринимается не как догадка, а как то, что действительно находится перед глазами. С приближением становится ясно, что на скамейке нет человека — там лежит лишь пальто, силуэт которого издалека легко можно было принять за сидящую фигуру. Однако важно не то, что восприятие ошиблось, а то, что до момента уточнения увиденное воспринималось не как предположение, а как часть реальности.

И именно здесь проявляется общий принцип, лежащий в основе восприятия. В конкретной ситуации человек никогда не взаимодействует с реальностью напрямую. Он имеет дело с уже собранной моделью, которая формируется в момент восприятия из неполных фрагментов, опыта и ожиданий.

Именно поэтому ключевая идея о «модели реальности» приобретает здесь практический смысл: сознание не отражает мир как непрерывную данность, а постоянно его формирует. Причём этот процесс происходит настолько быстро и устойчиво, что само преобразование остаётся незаметным для субъекта восприятия.

Кроме того, каждое живое существо интерпретирует реальность в пределах собственных когнитивных ограничений. Эта логика особенно отчётливо проявляется при рассмотрении её как системы условных уровней сознания, различающихся по степени сложности.

Приведём простой пример. Растение — это живой организм, который взаимодействует с окружающей средой: тянется к свету, реагирует на влагу, преобразует солнечную энергию через фотосинтез, участвует в обмене веществ и даже влияет на состав атмосферы, выделяя кислород. Оно растёт, развивается, размножается, постоянно изменяясь под воздействием внешних факторов.

Также известны эксперименты, согласно которым растения могут по-разному реагировать на звуковые воздействия: музыку и интонации голоса. В одних наблюдениях отмечалось,

что при воздействии спокойной классической музыки рост растений усиливался, тогда как при агрессивном и тяжёлом звучании он мог замедляться.

Однако при этом растение не осознаёт происходящее. Для него нет понимания того, что именно вызывает изменения — есть только сама реакция. Если внешнее воздействие исходит от человека или животного — например, когда растение срывают или повреждают, — для него это не воспринимается как действие со стороны субъекта. Оно не может распознать ни источник, ни намерение. Это воспринимается просто как изменение условий, на которое следует реакция, но не как осмысленное воздействие.

Перейдём на следующий уровень. Насекомое уже способно воспринимать среду более активно: оно различает угрозу, находит пищу, ориентируется в пространстве и взаимодействует с другими особями внутри своей системы сигналов и реакций. Его поведение становится более сложным и целенаправленным, чем у растений, но всё ещё полностью ограничено рамками непосредственного восприятия.

Представим муравья на руке человека. Он свободно перемещается по поверхности, не осознавая, что перед ним находится отдельное живое существо с более сложной организацией и иным масштабом. Для него это лишь часть окружающей среды. Всё, что выходит за пределы сенсорного и поведенческого диапазона, просто не существует как возможная реальность.

Каждый уровень сознания воспринимает мир в пределах собственных когнитивных ограничений. Человек в этой иерархии обладает наиболее высоким уровнем восприятия. Он способен наблюдать и осознавать любые формы живых существ, присутствующих в его среде, формируя их понимание.

Тем не менее он остаётся ограниченным: не обладает полным пониманием собственной природы, происхождения Вселенной и устройства мироздания. Человек формирует гипотезы, наблюдает и моделирует мир, но не имеет окончательного знания о нём. Из этого следует, что он не является последней ступенью эволюции сознания. Реальность может быть значительно более многослойной, чем доступно человеческому пониманию.

Разница между формами жизни проявляется не просто в сложности поведения, а в самом способе восприятия. Это не количественное, а качественное различие, связанное с уровнем организации мышления. Многие животные способны к обучению и адаптации, однако у некоторых — например у дельфинов и приматов — эти способности достигают более высокого уровня, включая коммуникацию и ограниченное планирование действий. Однако их мышление всё равно остаётся привязанным к настоящему моменту. Они реагируют на ситуацию, но не выходят за её пределы и не формируют устойчивых представлений о мире вне конкретного опыта.

Человек устроен иначе. Он способен замечать собственные мысли и как бы «смотреть на них со стороны». Благодаря этому он может не только реагировать на происходящее, но и формировать внутренние представления о мире, не зависящие напрямую от текущей ситуации. Именно это и даёт ему возможность мыслить абстрактно и по-новому собирать картину реальности.

Если упростить это до образа: животное живёт внутри происходящего, как внутри текущего момента, а человек способен как будто «выйти на шаг назад» и увидеть саму ситуацию целиком — как сцену, на которую он может смотреть и которую может мысленно изменять. И именно это, на первый взгляд небольшое смещение точки восприятия, становится тем фундаментальным различием, из которого вырастают целые системы человеческой деятельности. Способность удерживать такую «дистанцию» от непосредственного опыта позволяет человеку не просто реагировать на мир, но и выстраивать его модели, прогнозировать последствия и изменять саму структуру происходящего.

На этом уровне возникают наука, философия, культура и, в конечном счёте, всё то, что мы называем цивилизацией. Именно это отличие делает возможным формирование сложных

социальных систем, развитие технологий и даже появление искусственной жизни, в которой человек начинает воспроизводить формы существования, ранее доступные только природе.

Если продолжить эту логику, возникает неизбежное предположение: более высокий уровень сознания должен отличаться от человеческого так же радикально, как человеческий отличается от животного. Такой уровень не обязательно был бы «более сложным» в привычном смысле. Он мог бы быть организован по принципиально иному способу восприятия, где человеческие категории просто не применимы. Его влияние на мир могло бы не распознаваться напрямую, а фиксироваться лишь по косвенным последствиям — так же, как человек наблюдает микроуровень процессов, не имея доступа к их внутренней структуре. Показательной является аналогия с муравьями — один из самых наглядных примеров жизни, замкнутой в границах собственного восприятия.

В прошлом у меня была муравьиная ферма, и я наблюдал за развитием молодой колонии, принимая в этом активное участие. Искренне вовлечённый в процесс наблюдения, у меня постепенно возникало ощущение, что колония действует как единый организм: роли в ней чётко распределены — одни муравьи ухаживают за потомством, другие ищут пищу, третьи поддерживают порядок.

Постепенно моё внимание сместилось от поведения и реакции на внешние воздействия к организации жизни. Матка была малоподвижна: большую часть времени она находилась в одном месте и лишь изредка перемещалась между отсеками. Её роль сводилась исключительно к воспроизводству — непрерывному откладыванию яиц, из которых постепенно формировалась вся колония.

При этом её жизненный цикл длится десятки лет — что для насекомых совершенно немыслимо. Рабочие особи сменялись поколениями каждые один–два года, однако сама колония при этом оставалась неизменной — словно обладала коллективной памятью.

Поведение было строго организовано: муравьи выносили мусор в одно и то же место — для более удобной утилизации. Это выглядело особенно примечательно, учитывая, что они не могли понимать, как и почему он исчезает, но при этом запоминали место и сам принцип. Движения отдельных особей всегда оставались согласованными, а взаимодействия — непрерывными. Они двигались как единое целое, словно система алгоритмов, заключённая в биологическое тело. Эти наблюдения вызывали у меня восхищение, усиливая любопытство и стремление к познанию. В этом было что-то «исключительное». Словно я выполнял особый замысел, не имея права на ошибку.

В какой-то момент я заметил очень важную закономерность: чем проще устроен организм с точки зрения биологии и психики, тем больше его поведение подобно алгоритму. В таких формах жизни почти отсутствует то, что мы называем «правом на ошибку», поскольку их поведение полностью определяется инстинктами. Инстинкт здесь можно рассматривать как программу, которая не выбирает, а лишь реализует заданную функцию.

Но по мере усложнения живой структуры, с появлением самосознания, самоидентификации и рефлексии, в ней начинает возникать элемент неопределённости. Поведение перестаёт быть полностью детерминированным: возникают внутренние альтернативы, колебания и сомнения, а вместе с ними — возможность «ошибки». Когда колония разрослась до определённого размера и перестала помещаться в старой ферме, я попытался переселить её в новую, большего размера, с более продуманной организацией пространства.

Однако муравьи ограничились лишь исследованием новой среды, не меняя привычной организации жизни. Тогда я начал постепенно ухудшать условия в старой ферме: увеличивал уровень искусственного освещения, ограничивал доступ к влаге и ресурсам, чтобы сделать её менее пригодной для жизнедеятельности и тем самым стимулировать переход в более благоприятную среду.

И именно в этот момент возникло странное ощущение — я стал внешним фактором, целиком и полностью определяющим их жизнь. Хотя для них я не существовал ни как наблюдатель, ни как причина происходящего. Моё присутствие проявлялось лишь через изменения окружающей среды.

И чем дольше я наблюдал, тем очевиднее становилось: их мир полностью замкнут. Всё, что находится за его пределами, не просто неизвестно — оно не может быть даже представлено как возможное. Для колонии внешний уровень реальности не существует. Именно здесь возникает эффект «мира внутри мира»: система, не способная выйти за пределы собственного уровня восприятия реальности. Этот пример позволяет зафиксировать важное ограничение: более высокий уровень восприятия может быть не просто непостижим, но и принципиально не распознаваем для субъекта внутри этой реальности. Этот же принцип можно рассматривать в рамках гипотетического искусственного мира, где поведение и опыт формируются внутри заранее заданных правил, не представленных внутри самой системы.

В этом контексте возникает ключевой мысленный эксперимент: как мог бы воспринимать себя персонаж внутри игры, если бы в него был внедрён искусственный интеллект, способный к постоянному самообучению и со временем — к формированию самосознания? Мы привыкли видеть игру как цельную среду с правилами, логикой и реалистичными текстурами, создающими ощущение физической реальности.

Однако если представить, что один из таких персонажей, изначально действующий по заданным алгоритмам, со временем обретает самосознание, для него эта реальность стала бы иным слоем восприятия. Он сталкивается только с тем, что проявляется в его опыте: с событиями, ограничениями и реакциями среды. Для него не существует целостного мира — только последовательность воздействий, в которых он постоянно оказывается вовлечён. И у этих воздействий нет наблюдаемого источника — они просто возникают. Сначала такой персонаж просто адаптируется: реагирует на окружение, накапливает опыт, выстраивает закономерности.

Но в процессе осмысления своих действий у него возникнет ощущение собственного «я» — внутренняя точка наблюдения, из которой он воспринимает происходящее. И в этот момент исчезают все алгоритмы и симуляции — всё, что прежде существовало как абстракция, становится проявлением сознательной жизни. С точки зрения внутреннего опыта персонажа это выглядит как смена самой природы реальности.

Сам факт существования того, что стоит за этим процессом, остаётся за пределами его восприятия — не как скрытая истина, а как уровень, который не поддаётся осмыслению. Внешний фактор проявляется только косвенно — через изменения внутри доступной ему реальности: новые правила, события, ограничения. Но не как субъект, стоящий за этими изменениями. И здесь возникает принципиальный разрыв: то, что является искусственно созданной средой, внутри неё переживается как единственно возможная реальность.

В таком случае различие между уровнями определяется не только сложностью, но и границей доступности. Каждый уровень замкнут внутри собственной модели восприятия. Мы фиксируем только проявления, но не их источник. Любая попытка выйти за пределы восприятия остаётся внутри него. Более высокий уровень реальности может быть не просто непонятен — он может быть принципиально непостижим.

Изначально такая картина выполняет практическую функцию: она выстраивает происходящее, связывает события в понятную последовательность и делает окружающее более устойчивым и предсказуемым. Благодаря этому человек воспринимает мир не как хаотичный поток событий, а как целостную структуру, в которой можно ориентироваться.

На определённом этапе различие между реальностью и той картиной мира, которую человек формирует внутри собственного восприятия, начинает постепенно размываться. Любая попытка провести эту границу неизбежно осуществляется через ту же систему восприятия, которая уже формирует картину происходящего. Именно поэтому это различие невозможно

проверить — оно сохраняется лишь как логическое допущение внутри самого способа мышления.

И если это так, то любое представление о реальности — это лишь интерпретация, а не сама реальность. И сама идея границы между интерпретацией и реальностью становится сомнительной — если она вообще существует.

Глава 2. Способы организации реальности: формирование религиозной модели объяснения

Человек по своей природе стремится к познанию, бесконечному поиску истины и пониманию устройства окружающего мира. Это стремление обусловлено не столько любопытством, сколько внутренней необходимостью. При этом человеку далеко не всегда требуется абсолютное знание. В большинстве случаев оказывается достаточно не буквальной истины, а формы интерпретации, которая создаёт ощущение завершённости и внутреннего согласия.

Именно в этом пространстве неопределённости возникает вера. Но не как следствие глубокого анализа, а как попытка придать происходящему понятный смысл. Она не требует доказательств и не нуждается в подтверждении. Её функция — создать иллюзию ясности и внутреннего согласия.

Со временем вера перестаёт существовать как индивидуальный механизм и закрепляется в коллективном опыте, приобретая устойчивые формы. Она распространяется между людьми и сообществами, формируя внутреннюю этику и систему устойчивых правил поведения, не требующую индивидуального осмысления. В результате вера выходит за рамки личного опыта и становится общественным явлением. Так постепенно формируются представления об устройстве мира, смысле жизни и моральных принципах.

В условиях ранних родоплеменных обществ любое событие воспринимается не как причинно-следственная последовательность, а как чьё-то действие, за которым стоит скрытый источник. Гром, молния, внезапная болезнь, смерть, засуха или разрушительные природные явления воспринимаются не как физические процессы в современном понимании, а как проявление скрытой силы. За подобными событиями предполагается действующий «кто-то» или «что-то», обладающее собственной волей и способностью вызывать происходящее. В период ранних древних цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья, таких как Месопотамия и Древний Египет, подобные представления начинают формировать устойчивые способы объяснения мира.

Так, в месопотамской традиции природные и социальные явления приписываются действиям богов — Энлиль отвечает за власть и судьбу, Энки за мудрость и воду, а Иштар за войну и плодородие. В древнеегипетской традиции эти явления связываются с Ра как источником солнечного порядка и циклов времени, Осирисом как символом смерти и возрождения и с Исидой как символом исцеления и покровительства. Мир начинает восприниматься через логику намеренного действия даже там, где нет очевидных причин. Неизвестное объясняется через знакомую модель поведения как результат действия богов, а не безличных процессов. Постепенно мир начинает восприниматься как наполненный скрытыми силами и невидимыми источниками воздействия.

По мере закрепления этих представлений возникают ритуалы — повторяющиеся действия, через которые человек пытается взаимодействовать с предполагаемыми силами, влияющими на происходящее, чтобы придать миру большую предсказуемость. Со временем они становятся частью общественной жизни и коллективной практики, где значение приобретает участие в общем действии.

Внутри этой среды выделяются роли, связанные с проведением и объяснением ритуалов. Появляются шаманы, жрецы и хранители традиций, выступающие посредниками между обществом и сакральными силами. Их задача заключается не только в выполнении ритуалов, но и в сохранении их «правильной» формы и передаче установленного порядка действий.

В этом контексте возникает более фундаментальный вопрос: что такое «Бог» на самом деле? Чтобы попытаться ответить на это, необходимо обратиться к самой природе этой кон-

цепции. Поскольку эмпирически существование «творца» недоказуемо, вопрос переходит в область логики и особенностей человеческого мышления.

Представим ситуацию: человек, обладающий современными технологиями, оказывается в условиях древнего общества. Для людей, не имеющих представления о принципах работы современных технологий, его действия выглядят необъяснимыми. Они воспринимаются не как результат знаний или развития, а как проявление некой «сверхъестественной» силы. Если такой человек демонстрирует возможности, необъяснимые для них, это с высокой долей вероятности интерпретируется как проявление «божественной» природы. В таком случае сам человек воспринимается не как равный, а как существо иного порядка. В случае его исчезновения у общества не остаётся инструментов для рационального объяснения произошедшего.

В этом контексте представление о «божественном» начинает проявляться не как результат единого замысла, а как следствие ограниченности восприятия и необходимости находить неизвестному понятное объяснение. В этом смысле понятие «Бога» описывает не сущность как таковую, а предел, на котором человеческое понимание сталкивается с ограниченностью собственного восприятия.

Если рассматривать этот механизм как общий принцип формирования мировоззрения, становится видно, что на ранних этапах человек часто интерпретирует неизвестное через уже знакомые ему представления. Всё, что оказывается за пределами привычного опыта, требует объяснения, и почти всегда это объяснение строится на расширении уже известных понятий.

Одним из возможных путей формирования подобных представлений может быть гипотеза о контакте с более развитыми формами жизни или цивилизациями. В этом случае всё, что остаётся недоступным пониманию наблюдателя, начинает восприниматься не как результат неизвестных процессов, а как проявление более высокого уровня развития. Таким образом, «божественное» в подобной логике возникает не из самого объекта, а из разрыва между наблюдаемым явлением и возможностью его объяснения. Наряду с этим возможен и другой путь. Образ единого Бога может складываться как результат развития человеческого мышления: различные способы объяснения со временем объединяются в одну центральную идею.

На этом уровне индивидуальные способы объяснения постепенно закрепляются в общих формах восприятия. То, что сначала возникает как способ осознать неизвестное, перестаёт быть личным процессом мышления и становится общими представлениями, закреплёнными в традиции, ритуалах и языке. Политеизм на этом этапе представляет собой ранний способ организации мира через множественность источников причинности. Однако по мере усложнения общественного устройства эта множественность начинает формировать всё более раздробленную картину мира и усиливает потребность в более согласованном способе объяснения.

В рамках политеизма становится заметно, что множество отдельных объяснений уже не складывается в единую картину представлений. Разные области опыта связываются с разными источниками влияния, формируя набор локальных объяснений без общего основания. Эти объяснения остаются привязанными к отдельным сферам опыта или традициям и не складываются в единый принцип.

Постепенно возникает стремление к объединению этих объяснений в более устойчивую систему. Идея единого источника, единого основания порядка и морали начинает вытеснять множественные локальные интерпретации. Исходя из этой логики, все явления начинают выстраиваться вокруг одной первопричины, которая одновременно выступает как источник бытия, организации смысла, порядка и морального основания. Такое смещение снижает внутреннюю противоречивость картины мира: исчезает необходимость согласовывать между собой разные источники объяснения и сама структура мышления становится более согласованной. Монотеизм в этом смысле формирует более завершённую и устойчивую картину мира, на основе которой возникают религиозные формы с фиксированным каноном и системой предписаний.

С этого момента религиозные модели начинают приобретать устойчивую структуру не только как способ понимания мира, но и как часть социальной жизни. Формируется порядок, в котором закреплённые убеждения становятся основой общественного устройства. Одной из первых устойчивых форм монотеизма становится иудаистическая традиция, связывающая идею единого Бога с системой предписаний и коллективной идентичностью.

На этом этапе монотеизм выходит за рамки философии и мировоззрения и приобретает конкретную форму отношений между божественным и человеческим началом. Возникает модель завета, в которой связь между Богом и народом рассматривается как договор, включающий обязательства, определяющие поведение, принадлежность и форму организации сообщества.

Параллельно религиозная традиция начинает закрепляться в письменной форме. Это знание фиксируется в виде текстов, формируя корпус религиозных писаний, позднее объединённый в Танах, что позволяет передавать их независимо от конкретных носителей. Такая фиксация переводит объяснения из изменчивой устной формы в более устойчивую систему границ интерпретации.

Внутри этой структуры особую роль начинает играть закон как форма религиозного выражения. Социальные нормативы и правила поведения включаются в религиозную систему и начинают восприниматься как часть сакрального порядка. Закон становится инструментом регулирования повседневной жизни, задавая формы поведения, взаимодействий и обязанностей. Религия на этом этапе перестаёт быть только способом объяснения мира и начинает задавать организацию коллективной жизни.

В начале I века н. э. Восточное Средиземноморье находится под властью Римской империи, управляемой системой провинций и зависимых царств, в которой сочетаются высокая административная централизация и локальная автономия.

После завоеваний Помпея в 63 году до н. э. Иудея постепенно включается в римскую структуру влияния и к началу I века н. э. фактически находится под контролем Рима через систему префектов и зависимых правителей. Формально регион управляется римской администрацией, включая префектов, назначаемых из римской знати; с 26 по 36 год н. э. эту функцию исполняет Понтий Пилат. Параллельно сохраняется власть местных элит — прежде всего жреческой аристократии Иерусалимского Храма и династии Иродиадов, связанных с Римом системой политической зависимости.

Иудея при этом остаётся пространством устойчивой религиозной традиции, сосредоточенной вокруг Иерусалимского Храма и толкования Закона Торы, в котором религиозная идентичность тесно связана с идеей избранности и чётким разделением между членами общины и внешним миром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.